

Христианские основы лада славянской семьи в поэме Якуба Коласа «Новая зямля»

Художественная речь произведения является мощным изобразительным средством воссоздания картины мира писателя. В поэме «Новая зямля» Якуб Колас не только с энциклопедической точностью рассказал о жизни белорусского крестьянства конца XIX — начала XX века, но предоставил возможность постичь семантическое разнообразие национального языка. Язык поэмы нами рассматривается и как составляющая в развитии мышления белорусов, и как важное звено в передаче от поколения к поколению культурно-исторических традиций. Цель наблюдений заключается в постижении ментальности белоруса через семантику языковых единиц.

В центре нашего внимания слово «лад», относящееся к общеславянской лексике. Оно вызывает интерес, в первую очередь, в значении *«мир, согласие, любовь, отсутствие вражды, порядок»* [1, с. 233]. В семантическом поле «лада» имеются и такие слова как *ладить, ладиться, ладливый, ладный, ладковать, ладина, ладья, ладки (олады), лаживать* и др. [1, с. 232—233], которые имеют разнообразные лексические значения. Русскому слову «лад» в белорусском языке соответствуют однокоренные слова: *лад, злагада, ладзіць, наладжваць, ладзіцца, ладавацца, ладам, ладно, ладны, справа ідзе на лад* и др. Литературная норма слова «лад» соотносится со словами *згода, жыць у згодзе, справа ідзе на лад, правіць, правіцца, добра, спрытны, спраўны, зладжаны* и др. [3, с. 705—706]. Очевидно, что в русском и белорусском языках эти слова близки по смыслу, а контекстовый их анализ в художественном мире поэмы позволяет еще раз углубить

осмысление ментальности белоруса. Слова-знаки, рассредоточенные по тексту, содействуют выразительности изображаемого, воплощению «программы» воздействия на читателя.

Главный герой поэмы лесник Михал — человек *ладный*, т. е. «годный, путный, хороший, гожий». Автор говорит о том, что *палясоўчыка Михала* знала вся округа и главным образом потому, что он знал службу *як свае пяць пальцаў*. Высоко ценило *служаску* начальство: *Добры конь і цягне дужа!* [2, с. 33]. Михал без ложной скромности о себе говорит: *Мяне сам князь у замку знае!* [2, с. 87]. Не идеализируя, Колас показывает лучшего представителя белорусского народа. Типичным для того времени был трудовой путь Михала, вступление его во взрослую жизнь. Женившись, он сразу отделился от отца, в поисках лучшей доли ходил на сплав, вернулся в родные края и стал работать *палясоўчыкам* у князя Радзивилла. Служил не спустя рукава, а не покладая рук: *Няма яму надзелькі, свята* [2, с. 20]. Михал ладил с коллегами, с паном лесничим, с начальством и любую *ператасоўку* воспринимал покорно.

Из повествования узнаем, что Михал в праздники *Любіў такі навесяліца* [2, с. 95], но главное — за *чаркай* любил пораспросить *наконт зямелькі* [2, с. 35]. Дружно жила семья. А была семья *ладная*: семеро детей и трое взрослых. Воспитание осуществлялось в духе народной педагогики, важнейший принцип которой можно сегодня назвать гуманистическим: *іх ніколі не сціскалі*. Ежедневно собираясь за столом, *елі дружна, не драмалі*. Принимая пищу за отдельным столом, *парадку дзеці не трымалі* [2, с. 23], тормошили друг друга, дрались. Относясь к детским шалостям с пониманием, старшие мирили их, призывали *ладавацца*, при этом *замацоўвалі так згоду*: — Ну, *пацалуйцеся-ж вы з браткам!* — // *І ўсё йшло зноў сваім парадкам*. Шутка и смех были залогом лада в семье: *хлопцы ў згодзе жартавалі* [2, с. 109]. Несмотря на всякого рода трудности, как правило жизнь семьи, возвращалась в свою колею, *І ўсё йшло зноў сваім парадкам* [2, с. 24].

Ладнiцца в семье Михала. *Ладнiцца* — значит *взаимно жыць дружна, согласно, мирно, любовно*. Даже в воскресный день в семье *кожны дзелам быў заняты* [2, с. 25]. Уроки *лада* получают младшие дети *у часе дружнае яды*. За столом у взрослых был *парадак вельмі строгі* [2, с. 24]. Ели с аппетитом, особенно налегали на *аладкі*. *Блінцы, аладкі, верашчака, скваркі, тварог, запраўлены смятанай* — символизируют лад и благополучие крестьянской семьи. В

художественном мире поэмы звучит песня простой крестьянской еде. *Наздраватыя аладкі на ўслон шпурляліся, намазывалісь здорам, мялісь. Аладкі грэцкія кроілі ў квадраты, з аладак дзядька рабіў трубку, чтобы зачерпнуть жидкос; бралі на аладцы // І аж пацелі...* [2, с. 24]. Для домашних животных — это тоже лучшее лакомство: *Антось Таксу кліча, // Кусок аладкі ў нос ёй тыча* [2, с. 159]. Даже на голове у Михала *ладка-шапка*.

Михал *ладится* (замышляет, намеревается) на то, чтобы *Разжыцца ўласнаю зямлёю // І не належаць ні да кога* [2, с. 25]. Его притягивает *свая зямелька, свая хата*. Намерение это продиктовано надеждами: хозяин ждёт, что огороды будут приносить урожай, что будут родить ячмень, овёс, гречка, что будет *з суседзямі жыць ў згодзе*, а у детей появится возможность посещать школу. Мечта его непритязательна: *жылі б сабе гаспадарамі* [2, с. 39]. В намерении купить землю, *не жыць над панскай воляй* [2, с. 30], герои поэмы проходят долгий и сложный путь, обдумывая каждый шаг, чтобы к *аднаму ўжо прыйсці ладу* [2, с. 30]. Серьезные проблемы в доме решаются не стихийно. Но на пути осуществления задуманного много препятствий: скопить деньги, распорядиться отцовским наследством, оформить ссуду в банке, заняться поисками земли, справиться с бюрократическими препонами и другое.

Образ Михала не был бы целостным, если бы Колас не показал в характере толерантного героя несогласие с укладом текущей жизни. Михал не хочет мириться с несправедливостью вокруг, в своих суждениях резок: *І перад панскім розным збродам, // Цярпеннем скованы, як лёдам!* [2, с. 75]. За панскую *адплату* и произвол Михал проклинает их, давая волю чувствам и не сожалея об этом: *Хоць раз, ды добра агрызнуўся!* [2, с. 87]. Наблюдая, как паны унижают простой люд, он проникается нестерпимыми чувствами: *Цярпі! Чаму? Дакуль цярпенне? ...Няўжо ўвесь век жыць з панскай ласкі?* [2, с. 98]. Характеристика панам дана в экспрессивной стилистике: *яны без сэрца і сляпыя, не видят рубяжоў свае пасады, ляснічы-змеі (жывым грызе сваю ахвяру* [2, с. 104]), *кат-змеі, злыдня, злачынец, сабача морда, гад шалёны*; при других обстоятельствах *пан быў злы, паганы, // І звераваты, надзіманы. // І мух не мала меў у носе*, он имеет *лядачы нораў, лае цяжка* [2, с. 77]. Брат и жена, проявляя полную згodu и единопдушие: *І маладзец, — гаворыць жонка; І дзядька моцна абурўся* [2, с. 88], искренне поддерживают Михала в этом.

Отсутствие *мира, лада* в поэме и в жизни героев связано, главным образом, с произволом хозяев. Пять лет понадобилось семейству для обустройства у *страшной дзічы* [2, с. 33], с божьей помощью (*Як-бы сам бог тут над зямлёю // Прайшоў і глянуў міласціва* [2, с. 34]) жизнь наладилась. Неожиданно приходит новый приказ: *Ў другі куток перабірацца* [2, с. 37], в Поречье, в болота. Привычный уклад жизни семьи нарушен; в хозяйстве *быў страшэнны непарадак* [2, с. 43]. А душевный беспорядок, смятение и боль сообщается через восприятие происходящего хозяйкой дома: *І цяжка, цяжка Ганне стала, // Як-бы ў грудзях там што апала // І сэрца жаласцю заныла* [2, с. 46]. Беззаконие властимущих проецирует соответствующий стиль отношений среди подчиненных. В среде простых лесников вполне обычны доносы, обговоры, ложь. Автор иронично замечает: *Тут гэты лад быў так збудован*. В одном из эпизодов рисуется неприглядная картина: *памдзея, т. е. помощника, окликнули, пригласив к пану, тот же падскачый, здрыгануўся, азірнуўся, ускінуў плечы, затем у бег пускаецца, узбег, нізютка пакланіўся, стаіць пакорна і рахмана; На крыж гатовы йсці за пана*. Неприязнь и ожесточение охватывают в эту минуту Михала: *І так зніжацца! Цьфу, агіда! // Не мець ні вобраза, ні віда, // Ні нават цені чалавека... Эх, так упасці і так нізка!* [2, с. 102]. Таков эмоциональный уровень морального сознания Михала как личности. Не все *ладится* и в семейной жизни героя. Михал, например, жестоко обрушивается на сына за обман и уклонение от учебы: *ўгары матнуўся нас высока, агнём апёк Алесю спіну, дядька и мать насілу вырвалі нябогу* [2, с. 137]; в этот момент был *бацька страшны, поўны злосці*.

Дед Юрка, тесть Михала, *ладный человек, сталы і разумны, разважлівы і ўдумны, Калі што скажа, то да ладу* [2, с. 89]; *любяць дзеда Юрку унукі*. Уже то, что за правду *адзін на ўсіх пайсці гатовы* [2, с. 90], говорит само за себя. А какой он хозяин, а какой рыбак! *Хорошей, гожей* хозяйкой, женой и матерью является его дочь Ганна. Она живет женскими заботами: хлопоты у печи, уход за детьми, работа в поле и огороде, хозяйственные дела. В крестьянском быту весь гнет тяжелых работ на её плечах. Автор ограничивается изображением скромной роли женщины в доме, хотя роль ее в *ладной* жизни семьи немалая. Ганна имеет влияние на детей и на мужчин, которым приходится признавать, что *ў словах жонкі праўды многа* [2, с. 97]. Чаще молчалива и немногословна, но речь её афористична, советы дельные: *больш пільнуецца вы дому!*

. 31]; *І ходзіць смерць, як цень, за намі* [2, с. 64]. Ганна держит у хаце, требаватэльна к мужу: *А, дурань, воўча тваё мяса! Каб малы ўжо быў напіўся; Згараць яны няхай з грыбамі!* [2, с. 42]. Дядька Антось, брат Михала, — асоба. В образной системе пы это ладливый человек, «кроткий, миролюбивый, согласный, вчивый». А еще лажэй, т. е. ловкий, толковый, бойкий. В семье правіў гаспадарку, // *Рабіў за двух, на сваім карку // Цягнуў ца хлебараба* [2, с. 25]. О нем исчерпывающе повествуется: *о, куратны! // Работнік дзядзька наш выдатны: // Ва ўсім парадак д любіць // І часу дарма ён не губіць!* [2, с. 174]; *Не любіць зька пустаплясаў* [2, с. 141]. Дополняют описание другие ения из поэмы: *быў рыбац выдатны* [2, с. 91], *і бортнік быў ён атны* [2, с. 107], *ды меў ахвоту і да дзічы* [2, с. 161]; *з дзядзькам зэш — // так цікава!* [2, с. 174], вместе с этим, *Антось часамі, як я* [2, с. 175]. А для детей он дзядзька, дзядзечка, саколік! *мілы Антоні* [2, с. 55]. С ними руководствуется важнейшим щипом в общении, демократическим: *Як роўны з роўнымі маўся* [2, с. 55]. Антось личность не схематичная, воплощающая бе только положительные черты. Твердость и непримиримость ктера проявляет в споре с братом за обеденным столом, за варку. Брат уступает другому лучший кусок, и *спрэчку тым яны іалі, што гэту скварку разразалі* [2, с. 25]; для Антося Михал ны, харошы, браце. В деле воспитания детей Антось проявляет агогический такт и любовь. На случай, *калі хто часам з ім не дзіць* [2, с. 56], есть педагогический ход: держать паузу. А в это время в обращении к тому, *з кім дзядзька ў згодзе, ненавязчиво одится информация о походе в Липово. Для детей такое эшествие — возможность открытия малой родины. Автор с бкой отмечает, что дзядзька спасабаў меў многа // Даняць ціўніка малого!* [2, с. 57]. Сладить дудку, смастерить игрушку, исовать елку, приготовить клёцкі из бульбы, сходить в поход по бы, на рыбалку — всё ладится у него в руках. Дети ж так его били, *што на руках яго насілі* [2, с. 58]; встречая его от радости *іць і скачуць, б'юць у ладкі* [2, с. 18].

В семье Михала живут ладно: *мірна, дружна, па-сяброўску, будь «Раніца ў нядзельку», «За сталом», «На першай гаспадарцы», «ля зямлянкі».* Автор говорит: *Жывуць, церпліва долю смычуць // І ўж нясуць мужычы ціха, // Дабра не бачачы з-за ліха* [2, с. 48], целяя доминирующую черту ментальности белорусов. *У хаце ры лад і згода* [2, с. 177] в святой вечер важнейшего

христианского праздника, на *Каляды*. Подготовкой к празднику охвачены все: дети *навуку прыпыняюць, дарэктар* (их учитель) от радости поет, дядька Антось отправляется на зимнюю рыбалку, Михал в княжеский замок доставляет грибы, рыбу, зайцев. К святому вечеру готовится *куцця*, достается мак (*у церле ён пацёрты*), *мядок* для киселя, приносится из лесу *ялінка*, на которую вешают *арэхі* и *цукеркі*. Стол накрывают вместе, садятся за стол по порядку, и появляется перед каждым главное блюдо христианского праздника: *прад сабой кладуць аладку* [2, с. 177]. Важнейшим пожеланием друг другу в такой вечер звучат слова: *Няхай дае бог лад у хаце* [2, с. 178]. На *Вялікдзень* в доме лесника живет *лагоднасць, згода і павага* [2, с. 203]. Как высшая степень единения всего сущего природа *паважнасць свята адчувае, // З людзьмі жыве супольна, згодна* [2, с. 205].

Літаратура

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. / В. И. Даль. — Москва, 2003.
2. Колас Я. Збор твораў: у 7 т. — Мінск, 1942.
3. Русско-белорусский словарь: В 3 т. Т. 1. / АН Беларуси; 5-е изд. — Минск, 1994.